

18+

Зырянова Екатерина

МОСКВА ИЗ ОКНА
МАСТЕРСКОЙ
ХУДОЖНИКА

Зырянова Екатерина

Москва из окна

мастерской художника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190006

ISBN 9785005121523

Аннотация

Знаешь, чем ТЫ пахнешь? Мёдом в сотах. Скошенным лугом. Корзинкой только что сорванных огурцов. Немножко полынью. Сосновым бором в знойный полдень. Осенними хризантемами. Лавандой и оливами, Провансом. Крымскими горами на излёте лета. Плеском воды по борту яхты. Хрустящим снегом. Закатом в горах. Срезом можжевельника. Утренней зорькой по-над рекой. Прохладным ручьём в чащобе. Пряностями восточного базара. Росой на розах у Виндзорского замка. Воздухом после грозы. Желанной женщиной...

Содержание

I	5
II	11
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Москва из окна мастерской художника Зырянова Екатерина

Серафима Доманская *Дизайнер обложки*

© Зырянова Екатерина, 2020

© Серафима Доманская, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-2152-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Как прекрасна Москва ночью! Огни, неон, крыши и звезды. Уже совсем темно, завтра осень. И я смотрю на нашу Москву через огромное окно в мастерской художника. И мне кажется, что наши души горят как эти звезды. И я думаю сейчас, что если бы я тебя не встретила, то даже выдумать никогда не смогла бы! Потому что невозможно это выдумать. Потому что не бывает так.

«Дом засыпает.

Громко тикают старые часы. Затылком ощущаю, как кот неслышно пробирается к любимому дивану... Уступлю. Сейчас он уляжется, я подойду и, зажгу маленькую настенную лампу. Кажется, ему так уютнее спать. Сегодня его ночь.

В книжках строчки стоят на месте, сколько не мусоль страницу, дальше пары абзацев не уйдёшь...

Пусть будет интернетская жвачка. Светящийся экран на столе у приоткрытого окна. Клики чуть скользких кнопок, шорох листьев, вдруг шелест шин. И тускловатая любимая лампа с простецким венецианским абажуром. Пыльное стекло поверх зелёного сукна... Как-то я всё очень намешал – XIX век и сегодняшний.

Там, где-то там, за соседним домом, за улицами

и скверами, за эстакадой – ты. Так странно, словно срез дома, словно окна без штор, как в Голландии... Не буду подглядывать.

Стопка выложенных с полок книг. Трудно найти Хэмингуэя. Может, его и нет у меня, зачем – я и так всё помню. Нам твердили – циник, а ведь он последний истинный романтик. XX-ого века.

Кот сонит, закрыв лапами нос. Завтра осень. Я знаю! Его очень сложно зовут: Чингиз-хан Васильевич Алискин.

В соседнем доме огни, жёлтые, зелёные, блёклые. И тени сквозь неопавшую черноту листвы...

Но глаза, голубые, нежные, острые – поверх всего...

Стопка книг, светящийся экран на столе, стакан хереса и бессонная ночь.

Всё пустое – я помню каждую прядь твоих волос...

Прости. Я не виноват, что так получилось.»

Мы гуляем с тобой по Москве. Екатерининский парк накрывает своими кронами. И кроны смотрят на нас миллионами глаз, миллионами судеб, прошедших мимо и не задержавшихся здесь, смотрят, присматриваются, рассматривают, колышутся от ветра, гудят крыльями взлетевших птиц, склоняются к нам низко – низко и слушают наши разговоры. А я смотрю на тебя и думаю, как это возможно?

Я смеюсь и утопаю в тех словах, что ты говоришь. Ты ими играешь, ты так небрежно играешь мной! Как ты прекрасен!

Как я люблю тебя! Ты даже не понимаешь. Как сильно.

«И не смейся над моими ласковостями!»

*Мне, до мурашек по спине, хочется баловать тебя...
Должно быть старость...*

Подступает...»

И мне все равно, что ты просто играешь. Я верю тебе. Я так хочу тебе верить. Я тоже играю словами и ловлю краешек твоей улыбки.

Я дурачусь, а ты все принимаешь всерьез.

«Опять ведь не засну... Догадываешься? Я тоже.

Что же, только одно прилагательное не попало – «уютный». Совсем ни к селу, ни к городу. Оно было последним и лишним. Долго думал, да и ляпнул...

А если всерьёз, секс всегда много значил для меня.

Вернее не так.

Я очень серьёзно к нему отношусь, считая (не оригинально) одним из того немногого, что отличает нас от зверей (пardon за грубость). Нам дано не просто заботиться периодически о наследстве, но и дарить высшее наслаждение своему избраннику.

Тоньше, преданнее, глубже, восторженнее ощущать любимого, чем в сексе мы вряд – ли можем. Кроме того, секс, или, если хочешь, интимные отношения, это то немногое, что не имеет моральных границ, а значит, делает влюблённых (речь о состоянии души) близкими на невербальном уровне... Мне кажется, что

сексуальные отношения между родственными душами, это Божий дар, и надо быть полным идиотом, чтобы не пользоваться им...

А ещё сексуальный акт сродни творческому озарению, во всяком случае, наслаждение приносит такое же, если не сильнее.

Ладно. Всё это болтовня. Теоретик хренов.

Пока нет, только догадываюсь.

Ну, вот теперь ты обо мне всё знаешь.»

И с каждой минутой этого знакомства растаем друг в друга. Мы постоянно говорим по телефону, мы оба слушаем и смеемся, шутим, рассказываем, захлеб, до безумия, несмотря ни на что. Мы не смотрим назад, мы не оборачиваемся, не хотим и не замечаем тех, с кем живем и кого любили до сих пор. Или не любили? Может быть, просто жили вместе? По привычке? По необходимости с кем-то жить и о ком-то заботиться?

«Я всегда считал себя неспособным проговорить по телефону больше 5-ти минут... Это было глупо, но никак не мог остановиться. Опьянел, что-ли.

...Всё пройдёт. Мы перестанем смущаться, нести чепуху и оборачиваться, украдкой и смотреть на часы, ты научишься говорить мне ласковые слова не краснея, а я не буду считать твои минуты и научусь считаться с твоей работой. И смски не буду присылать в неурочный час.

Нам очень, нам невероятно повезло, что мы встретились. Это стоит многого, если не всего. Поверь, я знаю что говорю...

Я больше не буду твердить о том, как соскучился и хочу тебя. И так всё понятно. Чего долдонить впустую. Я попробую вести себя адекватно второму уровню твоей жизни, ибо не имею права выходить на первый...

Но и ты, пожалуйста, не комплексуй, не зажимайся и не придумывай проблемы там, где их нет...

И не стесняйся меня целовать. Мне всю жизнь так этого не хватало ("...и вечный бой, покой мне только снился..."). Простишь мне эту слабость?

Целую.»

Тебе просто этого не хватало всю жизнь, а я просто люблю тебя.

Ты несешь в мою жизнь свою религию, своих богов и своих идолов, ты учишь меня им поклоняться. И мне не совладать с этой религией. Мне не победить ее.

И я недолго сомневаюсь. Я даже не сомневаюсь совсем. Я просто смотрю на тебя и понимаю, что я тоже этого хочу. Хочу.

«Ты сейчас совещаешься. А вечером, вечером будут мерцающий компьютер, полумрак кабинета и кот у ног. И бессонница. Куда от нее? Может быть, лучше пусть я тебе сегодня приснюсь? Во сне я точно не буду язвить. Я буду любой. Какой ты захочешь. Это ведь твой сон.

Обнимаю. Я.»

«Приснись!

Приснись!

Приснись!

*А я – тебе... Свернусь калачиком у ног, и... буду любимым
в твоём сне...»*

II

Это было так давно, и так недавно, почти вчера. Почти полвека назад. Ты лежал на песке и смотрел в сумасшедшее звездное небо. Мальчишка. Тебе казалось, что твоя душа горит так же как звезды. Холод сковывал, обволакивал, затуманивал сознание, а душа пылала и обжигала измученное тело. Было страшно тихо. О чем ты думал тогда? О войне? О том, что ты почти каждый день хоронишь своих парней? Что все бессмысленно? Что ты еще никогда не любил?

Вы попали в огненное месиво. И ты почти ничего не слышал, как будто кто-то выключил звук. Ты видел, словно как в замедленной перемотке, как рядом разлетелось живое тело. Ты не мог осознать, вместить в рассудок, впихнуть в разумение, что это не сон. И это разорванное тело – твой солдат, и твой друг.

Ты видел много абсурда. Ты пытался его избежать. Ты еще совсем мальчишка, ты пытался поступать по совести. Как ее измерить, совесть, каким мериллом, если кругом смерть?

Ты видел столько абсурда. Самого разного.

Когда посылали в перерывах между боями на учение. И однажды учения были во время грозы. Солдата отправили на грузовике в горы.

– Товарищ комбат! Гроза же! Попадет в машину!

– Приказы не обсуждаются!

И на глазах окаменевших сослуживцев молния как по колдовству попала в машину. За мгновения машина обуглилась. Разряд прошел по кузову, облизал его и иссяк. Солдат выжил. Он выжил, но сошел с ума.

Или когда в жару, в пекло пустыни вам привезли из продовольствия сало. Оно протухло и стало разлагаться. А ты встал перед выбором – пухнуть от голода или умереть от отравления. Ты выбрал голод.

Но в этом огненном месеве ты знал, что вел их на смерть, но ничего не мог сделать. Ты ничего не слышал, ни себя, ни других. Ты только видел, как гаснут жизни твоих ребят.

А через несколько недель пустыня зацвела. Мертвая пустыня в алых тюльпанах.

О чем ты думал, глядя на них? Это была не твоя война и ты не понимал зачем. Зачем столько ужаса, боли, страха, смерти. Каким богам ты молился тогда?

Тебя списали. Тебя выкинули за ненадобностью. И ты оказался в психушке. Тихий псих, не способный больше видеть смерть. Или жизнь. Не способный уже ничего видеть мальчишка с мертвыми светлыми глазами.

Ты исправно ходил на трудотерапию – клеил спичечные коробки. Интересно, когда люди берут их в руки там, в другой жизни, где тебя уже нет, о чем они думают? Как сварить борщ, пожарить котлет, прокормить детей? Или курят за чашкой утреннего кофе или после секса? А может быть, разводят костер? Костер... где сгорела твоя душа? На каком

перевале ее засыпало песком? А ты еще никогда не любил...

III

Каждое утро я с трепетом включаю компьютер. Как люди жили раньше?

«Ещё как приснилась!!!!!! Это не я, это ты волшебница...»

А потом я проснулся в полпятого и таращился в потолок. Я смогу вырваться, наверно, в четыре – полпятого, а в 20.30 у меня эфир. Времени навалом по нашим меркам.»

«Я вообще полночи с ума сходила. Я уже почти на все согласна. Давай уйдем с работы пораньше? А?»

Это было наваждение. Оно случилось само по себе, неожиданно, негаданно. Оно случилось. И я почти на все согласна. Я готова сейчас просто умереть, лишь бы ты так еще несколько секунд смотрел на меня. И мы первый раз едем в мастерскую настоящего художника – твоего отца. И мне первый раз в жизни страшно. Мне страшно, что я не буду хороша для тебя, мне страшно, что ты ждешь чего-то другого, мне страшно, что все будет не так как ты думал. Самое главное, мне страшно, а вдруг этого не случится. И у меня первый раз в жизни дрожат колени и я прячу в открытом окне испуганный взгляд. Я молчу, чтобы только не дрогнул мой голос. Я не могу говорить, я даже дышать боюсь, потому что ты рядом. Потому что вдруг это только облако и оно растает

от моего дыхания...

«Ты утверждаешь, что мы выбираем объект обожания по запаху?»

ОК!

Знаешь, чем ТЫ пахнешь?

Мёдом в сотах.

Скошенным лугом.

Корзинкой только что сорванных огурцов.

Немножко полынью.

Сосновым бором в знойный полдень.

Осенними хризантемами.

Лавандой и оливами, Провансом.

Крымскими горами на излёте лета.

Плеском воды по борту яхты.

Хрустящим снегом.

Закатом в горах.

Срезом можжевельника.

Утренней зорькой по-над рекой.

Прохладным ручьём в чащобе.

Пряностями восточного базара.

Росой на розах у Виндзорского замка.

Воздухом после грозы.

Желанной женщиной...

Представила себе?

Я не обидел тебя?

На самом-то деле – джазом под херес. Или коньяк.

Голова кружится... И бешенная луна смотрит в окно. Ещё месяц назад я был уверен, что эта чаша уже не моя...»

И снова тянутся выходные, долго, мучительно, невыносимо.

«Нет, ожидание не затмило сегодняшний день. И то, что было в постели, это только прелюдия...»

Ведь мы ещё совсем не знаем друг друга. И я больше не буду так смущаться и бояться нечаянно обидеть тебя, и ты не будешь так внимательносмущённо смотреть на меня, возьмёшь за кончики пальцев и проведёшь по себе. Мы друг для друга, пока terra incognita...

БОЖЕ МОЙ! Я БЕЗУМНО ХОЧУ ТЕБЯ!!!

Нужны ещё слова?»

И ты так же ждешь каждого моего слова, как и я твоего.

«Как только будешь знать, черкни словечко, чтобы я мог спланировать свою жизнь...»

«Всё-таки я валенок. Но, вроде бы любимый?»

«Знаешь, я абсолютно не ревнива. А вот сегодня ночью задумалась, что, наверно, тебя ревную ко всем эсеницам, которые у тебя были. Или не ревную. А просто им завидую.»

«Ты куда-то пропала. Дела, понимаю. На улице солнышко, почти лето... За окном всё гудит – Москва стала одной огромной пробкой. Сейчас по ТВ показывают. Кошмар, а я хотел предложить, если вечером ты будешь свободна, смотаться на Воробьёвы горы... Или в Соколь-

ники? Или совсем не туда??

Ладно, это я так, ведь бабка ещё надвое сказала, что ты будешь

свободна... А я-то уже губы раскатал...»

Так нас и встретила осень. Чудесная, сумасшедшая осень.

Я уехала в Марокко, оставив тебя решать твои ребусы.

Оставив тебя принимать решение.

«Третий день не пишется... Только мерещится. То глазки твои острые улыбнутся, то рука узкая на плечо ляжет, то уголки губ помянут...»

А вообще тоска. Совершенно не понимаю что делаю второй день на работе.

Мои архаровцы видимо осознали, что с начальником чёй-то не то, и перестали теревить... Сижу вот, смотрю на твою фотку и пытаюсь представить, как ты там, с океаном...

...Утром в день твоего отъезда мы ехали в деревню, я молчал и думал: «Неужели не черкнёт ни строчки?.. Ну конечно нет. Не до того сейчас... Как же я мог вчера не пожелать хотя бы счастливого пути? Так не хотелось отпускать!..»

Уже пора с трассы сворачивать, переходить на МТС, и тут – смска! «Я тебя люблю.» Боже мой, сердце так и зашлось! И только смайлик в ответ смог начирикать. Хотелось-то ответить: «А я – тебя.» Не решился...

Сижу, смотрю на твою фотку. А народ думает, что

на монитор. Пусть, они же не знают, что ты золотая...
...Вчера вечером посмотрел «Куда приводят мечты»!
(Купил DVD-шку) Ах какая же ты всё-таки умница!
Хорошее кино. Кажется понял, отчего ты так хотела,
чтобы я посмотрел его... Обсудим, хотя, похоже мы ды-
шим в унисон.

Целую нежно, любовь моя.»

*«Единственное развлечение в ожидании тебя – приве-
дение себя в порядок.*

Чтоб не стыдно было с тобой рядом.

*Очень хочется встретить тебя, такую отдохнув-
шую, молодым и красивым. Да и физическую форму бы
поправить, а то ведь может и силёнок не хватить на два
соскучившихся организма. Ты-то будешь отдохнувшей,
тренированной океаном и полной сил. Боюсь!!!!!*

*Так что достал гантельки-эспандеры, кроссовки-тре-
ники и взялся за кормёжку...*

*Кстати, если в этой диете заменить мясо рыбой...
Диетолог из меня аховый, конечно, но м.б. и тебе приго-
дится.*

Очень-очень жду и скучаю.»

*«Осталась неделя! Скоро, совсем скоро начну считать
часы.*

*Хотя, если быть честным, нет-нет да и кольнёт
больно так – не придумал ли я всё – придет отдохнув-
шая, остывшая, с успокоившимися трезвыми глазами...*

И я умру.

Знаю, что фигня, но ведь ты так далеко, за горами, морями и пустынями, а я, усталый, тебя не всегда слышу... А потом засыпаю, и ты летаешь в моём сне, любимая. Колдунья золотая.

...Оказалось, что скучать в деревне как-то не очень. Особенно в вечерней тишине с осенними острыми звёздами в бездонном небе. Слишком острое ощущение. Сердце не выдерживает. Пришлось вернуться в город.

Как выяснилось вовремя. Грядут большие перемены – организуется продюсерский центр, который отделяется от нас. Вот так. Я

завис и пока не знаю что делать, то ли остаться здесь, то ли перейти в это новообразование. Ты читаешь это письмо и решение уже принято, а я его пишу и не могу знать чем всё закончилось... Забавно.

...Нашёл тебе давно обещанного Рязанова! Гениальное кино – «Берегись автомобиля». Вот только не знаю, есть ли у тебя DVD? Ну а если даже нет, не беда! Перегоним.

...Безумная осень! Стоит летняя жара, а лес уже яркий, разноцветный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.